

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МЕНЯ
ПУГАЮТ
ФОРМАЛИЗМОМ

FLEGON PRESS

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**МЕНЯ
ПУГАЮТ
ФОРМАЛИЗМОМ**

FLEGON PRESS

Вечер на стройке

Меня пугают формализмом.

Как вы от жизни далеки,
Пропахнувшие формалином
И фимиамом знатоки!

В вас, может, есть и целина,
Но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
Не столько божьей, как людской, —
Чтоб слушали бульдозеристы
Непроходимую тайгой.

Им приходилось зло и солоно,
Но чтоб стояли, как сейчас,
Они — небритые, как солнце,
И точно сосны — шелушась.

И чтобы девочка-чувашка,
Смахнувши синюю слезу,
Смахнувши — чисто и чумазо,

Смахнувши — точно стрекозу,
В ладошки хлопала раскатисто...

Мне ради этого легки
Любых ругателей рогатины
И яростные ярлыки.

Кто ты? Кто?! — Ты глядишь с тоскою
В книги, в окна — но где ты там? —
Припадаешь, как к телескопам,
К неподвижным мужским зрачкам...

Я брожу с тобой, Верка, Вега!..
Я и сам посреди лавин,
Вроде снежного человека,
Абсолютно неуловим.

Туманная улица

Туманный пригород, как турман.
Как поплавки, милиционеры.

Туман.
Который век? Которой эры?

Все — по частям, подобно бреду.
Людей как будто развинтили...

Бреду.
Верней — барахтаюсь в ватине.

Носы. Подфарники. Околыши.
Они, как в фодисе, двоятся.

Калоши?
Как бы башкой не обменяться!

Так женщина — от губ едва,
двоясь и что-то воскрешая,
Уж не любимая — вдова,
еще твоя, уже — чужая...

О тумбы, о прохожих трюсь я...
Венера? Продавец мороженого!...

Друзья?
Ох, эти яго доморощенные!

Ты?! Ты стоишь и щиплешь уши,
одна, в пальто великоватом! —

Усы?!
И иней в ухе волосатом!

Ты с теткой живешь. Она учит канцоны

Ты с теткой живешь. Она учит канцоны.
Чихает и носит мужские кальсоны.
Как мы ненавидим проклятую ведьму!...

Мы дружим с овином, как с добрым медведем.
Он греет нас, будто ладошки запазухой.
И пасекой пахнет.

А в Суздале — Пасха!
А в Суздале сутолока, смех, воронье,

Ты в щеки мне шепчешь про детство твое.
То сельское детство, где солнце и кони,
И соты сияют, как будто иконы.
Тот отблеск медовый на косах твоих...

В России живу — меж снегов и святых!

Мастера

**Поэма из семи глав
с эпилогом и посвящениями**

Первое посвящение

Колокола, гудошники...
Звон. Звон...

Вам,
Художники,
Всех времен!

Вам, —
Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молниєю заживо
Испепелял талант.

Ваш молот, не колонны
И статуи тесал —
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал.

Художник первородный —
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно — бунт.

Вас в стены муровали.
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
Плясали на костях.

Искусство воскресало
Из казней и из пыток

И било, как кресало,
О камни Маобитов.

Кровавые мозоли.
Зола и пот.
И Музу, точно Зою,
Вели на эшафот.

Но нет противоядия
Ее святым словам —
Воители,
 ваятели.
Слава вам!

Второе посвящение

Москва бурлит, как варево,
Под колокольный звон...

Вам,
Варвары
Всех времен!

Цари, султаны
В тиарах яйцевидных,
В пожарищах-сутанах
И с жерлами цилиндров!

Империи и кассы,
Страхуя от огня,
Вы видели в Пегасе
Троянского коня.

Ваш враг — резец и кельма.
И выжженные очи,
Как
клейма,
Горели среди ночи.

Вас мое слово судит.
Да будет — срам.
Да
будет
Проклятье вам!

г.

Жил-был царь.
У царя был двор.
На дворе был кол.
На колу не мочало —

Человека мотало!

Хром царь, хвор царь,
А у самых хором ходит вор и бунтарь.
Не туга мощна —
Да рука мощна!
Он деревни мутит.
Он царевне свистит.
И ударил жезлом

и велел государь —

Чтоб на площади главной
Из цветных терракот
Храм стоял семиглавый —
Семиглавый дракон.

Чтоб народ страшил.
Чтоб царя сторожил.

2.

Их было смелых — семеро.
Их было — сильных — семеро.
Наверно, с моря синего
Или откуда с Севера.
Где Ладога, луга,
Где радуга-дуга.

Они ложили кладку
Вдоль белых берегов,
Чтоб взвились, точно радуга,
Семь разных городов.

Как флаги корабельные,
Как песни коробейные.

Один — червонный, башенный,
Разгульный, бесшабашный.
Другой — чтобы, как девица,
Был белогруд, высок.
А третий — точно деревце,
Зеленый городок.

Веселые, кирпичные,
Цветите по холмам...
Их привели опричники,
Чтобы построить храм.

Кудри — стружки.
Руки — на рубанки.
Яростные, русские,
Красные рубахи.

Ухали « Дубинушку » —
Площади дрожали,
Ухари-детинушки,
Силушку сдержали бы.

Очи—ой, отчаянны!
При подобной силе —
Как бы вы нечаянно
Царство не спалили !

Бросьте, дети бисовы,
Кельмы и резцы.
Не мечите бисером
Изразцы...

Не ярости юродивой
Вы возводили храм,
А богу плодородия,
Его земным дарам.

Здесь купола-кокосы.
И тыквы-купола.
И бирюза кокошников
Окошки оплела.

Сквозь кожуру мишурную
Глядело с завитков —
Что чудилось Мичурину
Шестнадцатых веков.

Диковины кочанные.
Их буйные листы.
Кочевников колчаны
И кочетов хвосты.

И башенки буравами
Взвивались по бокам,
И купола булавами
Грозили облакам!

И москвичи молились
Столь дерзкому труду —
Арбузу и маису
В чудовищном саду.

5.

Взглянув на главы шлемы
Боярин рёк —
« У, шельмы,
В бараний рог!

Сплошные перламутры,
Сойдешь с ума.
Уж больно баломутны
Их сурик и сурьма... »

Купец галантный,
Куль голландский,
Шипел — « Ишь, надругательство,
Хула и украшательство... »

Ярыжка — кочерьжка
Бубнил без передышки:

« Нашел уж царь работничков
Смутьянов и разбойничков!
У них не кисти,

А кистени,
Семь городов, антихристы,
Задумали они.
Им наша жизнь — кабальная
Им Русь — не мать! »

...« А младший у кабатчика
Все похвалялся, тать,

6.

Холод, хохот, конский топот да собачий звонкий лай.
Мы как дьяволы работали, а сегодня — пей, гуляй!

Гуляй!

Девкам юбки заголяй!

Эх, на синих, на глазурных, да на огненных
санях.

Купола горят глазуньями на распахнутых снегах.

Ах! —

Только губы на губах!

Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки, караси.

По соборной, по собольей, по оборванной Руси —

Эх, еси —

Только ноги уноси!

Завтра новый день рабочий ослепителен и нов.

Ой, вы плотнички, пилите тес для новых городов.

Го-ро-дов?

Может, лучше — для гробов?!

7.

Тюремные стены.
И нем рассвет.
А где поэма?
Поэмы — нет.

Была в семь глав она —
Как храм в семь глав.
А нынче — безгласна.
Как лик без глаз.

Она у плахи
Стоит в ночи
.....

И руки о рубахи
Отерли палачи.

Эпиграф

Вам сваи не бить, не гулять по лугам.
Не быть, не быть, не быть городам!

Узорчатым башням в тумане не плыть.
Ни пашням, ни солнцу, ни соснам — не быть!..

Ни белым, ни синим — не быть, не бывать.
И выйдет насильник губить-убивать.

И женщины будут в оврагах рожать.
И кони без всадников мчаться и ржать.

Сквозь белый фундамент трава прорастет.
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.

Растрезанным бабам на площади выть.
Ни белым, ни красным, ни прочим — не быть.

Ни в снах, ни воочию, нигде, никогда...
Врете,
 сволочи!
Будут города!

Сверкнут меж холмов
Семицветьем всем
Не семь городов,
А семижды семь!

Над ширью вселенской
В лесах золотых

Я,
Вознесенский,
Воздвигну их!

Я парень с Калужской,
Я явно — не промах,
В фуфайке колючей,
С хрустящим дипломом.

Я той же артели,
Что семь молодцов,
Бушуйте в артериях,
Двадцать веков!

Я тысячерукий —
руками вашими,
Я тысячеокий —
очами вашими.
Я осуществляю в стекле и металле —
О чем вы мечтали,
о чем — не мечтали.

Перроны, пилоны,
Как сахар пиленный.
Сверкнут оперенно
Дома из перлона!
Дома-дирижабли.
Ангары-дельфины.
И дерзкая сабля
Ангарской плотины.
Здорово!...

Я со скамьи студенческой
Мечтаю, чтобы зданья
Ракетой
Стоступенчатой

Осень в Сигулде

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают досчатый,
прощайте,

леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку унесли,

мы люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
 так уж положено,

из стен,
 матерей,
 и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай моя мама,
у окон
ты станешь прозрачно как кокон,
наверно умаялась за день,
присядем,

друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я уйду из вас,

о родина, прощаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь что — была,

на стрельбищах в 10 баллов
я пробовал выбить 100,
спасибо — что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
входило прозренье, как
в резиновую
перчатку
красный мужской кулак,

« Андрей Вознесенский » — будет,
побыть бы не словом, не бульдиком,
еще на щеке твоей душной
« Андрюшкой »,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретила, что-то спросила,
и пса волокла за ошейник,
а он упирался,
спасибо,

я ожил, спасибо за осень,
что ты мне меня объяснила,

Параболическая баллада

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке и реже — по радуге.

Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть
из Монмартра,

Он

дал

кругаля через Яву с Суматрой!
Унесся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жен, духоту академий.
Он преодолел

тяготенье земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:
« Прямая — короче, парабола — круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи? »

А он уносился ракетой ревущей
Сквозь ветер, срывающий фалды и уши,
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой

гневно

пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро.
Червяк — через щель, человек — по параболе.

Жила-была девочка рядом в квартале.
Мы с нею учились, зачеты сдавали.
Куда ж я уехал!

И черт меня нес

Сидишь беременная, бледная

Сидишь беременная, бледная.
Как ты переменялась, бедная.

Сидишь, одергиваешь платице,
И плачется тебе, и плачется...

За что нас только бабы балуют
И губы, падая, дают.

И выбегают за шлагбаумы,
И от вагонов отстают?

Как ты бежала за вагонами,
Глядела в полосы оконные...

Стучат почтовые, курьерские,
Хабаровские, люберецкие...

И от Москвы до Ашхабада,
Остолбнев до немоты,

Стоят, как каменные, бабы,
Луне подставив животы.

И поворачиваясь к свету
В ночном быту необжитом —

Как понимает их планета
Своим огромным животом...

Баллада точки

« Баллада? О точке?! О смертной пилюле?!... »
Балда!
Вы забыли о пушкинской пуле!

Что ветры свистали, как в дыры кларнетов,
В пробитые головы лучших поэтов.

Стрелую пронзив самодурство и свинство,
К потомкам неслась траектория свиста!
И не было точки. А было — начало.

Мы в землю уходим, как в двери вокзала.
И точка тоннеля, как дуло, черна...
В бессмертье она?

Иль в безвестность она?...

Нет смерти. Нет точки. Есть путь пулевой —
Вторая проекция той же прямой.

В природе по смете отсутствует точка.
Мы будем бессмертны.

И это — точно!

Грузинские дерезы

У речки — игрушки
У горной глазури —
Березы в Ингури!
Березы в

Ингури!

Как порталы храма
Колонками в ряд
Прозрачно и прямо
Березы стоят.

Как после разлуки
Я в рощу вхожу
Раскидываю

руку

И до

ночи

лежу.

Сумерки сгущаются
Надо мной, белы
Качаются смешаются
Прозрачные стволы.

Вот так светло и прямо
По трассе круговой
Стоят

прожекторами

Салюты

под Москвой.

Люблю их невесомость
Их высочайший строй.
Я проверяю совесть
Их белой чистотой!

Кассирша

Немым обсчитали.
Немые вопили
Медяшек медали
Влипали в опилки.

И гневным протестом,
Что все это сказки,
Кассирша, как тесто,
Вздымалась из кассы.

И сразу по залам,
Сыркам, патиссонам,
Пахнуло слезами,
Как будто озоном.

О, слез этих запах
В мычащей ораве.
Два были без шапок.
Их руки орали.

А третий с беконом
Подобием мата
Ревел, как Бетховен,
Земно и лохмато!

В стекло барабаня,
Ладони ломая,
Орала судьба моя
Глухонемая!

Кассирша, ослабясь,
Косилась на солнце
И ленинский абрис
Искала
 в полсотне.

Но не было Ленина.

Она была
 фальшью ...
Была бакалея.
В ней люди и фарши.

На плотях

Нас несет Енисей.

Как плоты над огромной
и черной водой,

Я — ничей!

Я — не твой, я — не твой, я — не твой!

Ненавижу провал

твоих губ, твои волосы,
платье, жильё.

Я плевал

На святое и лживое имя твое!

Ненавижу за ложь

телеграмм и открыток твоих,

Ненавижу, как нож

по ночам ненавидит живых.

Ненавижу твой шелк,

проливные нейлоны гардин,

Мне нужнее мешок, чем холстина картин!

Атаманша-тихоня

телефон-автоматной Москвы,

Я страшен, как икона,

почернел и опух от мошки.

Блещет, точно сазан,

голубая щека рыбака.

« Нет » — слезам.

« Да » — мужским, продубленным рукам.

« Да » — девочкам разбойным,

купающим « МАЗ », как коня,

« Да » — брандспойтам,

Сбивающим горе с меня!

Осень

[С. Щипачеву]

Утиных крыльев переплеск.
И на тропинках заповедных
Последних паутинок блеск,
Последних спиц велосипедных.

И ты примеру их последуй,
Стучись проститься в дом последний.
В том доме женщина живет
И мужа к ужину не ждет.

Она откинет мне щеколду,
К тужурке припадет щекою,
Она, смеясь, протянет рот.
И вдруг, погаснув, все поймет —
Поймет осенний зов полей,
Полет семян, распад семей...

Озябшая и молодая,
Она подумает о том,
Что яблонька и та — с плодами,
Буренушка и та — с телком.

Что бродит жизнь в дубовых дуплах,
В полях, в домах, в лесах продутых,
Им — колоситься, токовать.
Ей — голосить и тосковать.

Как эти губы жарко шепчут:
« Зачем мне руки, груди, плечи?
К чему мне жить и печь топить
И на работу выходить? »

Ее я за плечи возьму —
Я сам не знаю, что к чему...
А за окошком в первом окне
Лежат поля из алюминия.
По ним — черны, по ним — седы,
До железнодорожной линии
Протянутся мои следы.

Первый лед

Мерзнет девочка в автомате,
Прячет в зябкое пальцецо
Все в слезах и губной помаде
Перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы — льдышки. В ушах — сережки.

Ей обратно одной, одной
Вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.

Мерзлый след на щеках блестит —
Первый лед от людских обид.

Велосипеды

[В. Бокову]

Лежат велосипеды
В лесу, в росе.
В березовых просветах
Блестит шоссе.

Попадали, припали
Крылом — к крылу,
Педалями — в педали,
Рулем — к рулю.

Да разве их разбудишь —
Ну, хоть убей! —
Оцепенелых чудищ
В витках цепей.

Большие, изумленные,
Глядят с земли.
Над ними — мгла зеленая,
Смола, шмели.

В шумящем изобилии
Ромашек, мят
Лежат. О них забыли.
И спят, и спят.

Последняя электричка

Мальчики с финками, девочки с « фиксами »...
Две проводницы дремотными сфинксами...

В вагоне спят рабочие,
Вагон во власти сна,
А в тамбуре бормочет
Нетрезвая струна...

Я еду в этом тамбуре,
Спасаясь от жары.
Кругом гудят, как в таборе,
Гитары и воры.

И как-то получилось,
Что я читал стихи
Между теней плечистых,
Окурков, шелухи.

У них свои ремесла.
А я читаю им,
Как девочка примерзла
К окошкам ледяным.

Они сто раз судились,
Плевали на расстрел.
Сухими выходили
Из самых мокрых дел.

На черта им девчонка?
И рифм ассортимент?

Таким как эта — с чолкой
И пудрой в сантиметр?!

Стоишь — черты спитые.
На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят...

Чего ж ты плачешь бурно?
И, вся от слез светла,
Мне шепчешь нецензурно —
Чистейшие слова?...

И вдруг из электрички,
Ошеломив вагон,
Ты
 чище
 Беатриче
Сбегаешь на перрон.

Вечеринка

Подгулявшей гурьбою
Все расселись. И вдруг —
Где
 двое?!
Нет
 двух!

Может, ветром их сдуло?
Посреди кутежа
Два пустующих стула,
Два лежащих ножа.

Они только что пили
Из бокалов своих.
Были —
Сплыли.
Их нет, двоих.

Водою талою —
Ищи-свищи! —
Сбежали, бросив к дьяволу
Приличья и плащи!

Сбежали, как сбегает
С фужеров гуд.
Так реки берегами,
Так облака бегут.

Так убегает молодость
Из-под опеки,
И так весною поросли
Пускаются в побег!

В разгаре вечеринка,
Но смелость этих двух
Закинутыми спинками
Захватывает дух!

Торгуют арбузами

Москва завалена арбузами.
Все дышит волей без границ.
И веет силой необузданной
От возбужденных продавщиц.

Палатки. Гвалт. Платки девчат.
Хохочут. Сдачею стучат.

Ножи и вырезок тузы.
— Держи, хозяин, не тужи!

Кому кавун?
Сейчас расколется! —
И так же сочны и вкусны
И милицейские околыши
И мотороллер у стены.
Сентябрьский воздух свеж на вкус
И так же звонок, как арбуз.

И так же весело и свойски,
Как те арбузы у ворот,
Земля мотается
В авоське
Меридианов и широт!

Свадьба

Выходит замуж молодость
Не за кого — за что.
Себя ломает молодость
За модное манто.

За золотые горы
И в серебре виски.
Эх, да по фарфору
Ходят сапоги!

Где пьют, там и бьют —
Чашки, кружки об пол бьют.
Горшки — в черепки,
Молодым под каблуки.
Брызжут чашки на куски:
Чье-то счастье —
В черепки!

И ты в прозрачной юбочке,
Юна, бела,
Дрожишь, как будто рюмочка
На краешке стола.

Улыбочка, как трещинка,
Играет на губах,
И темные отметинки
Слезинок на щеках.

Где пьют, там и льют —
Слезы, слезы, слезы льют...

Б. Ахмадулина

Дали девочке искру.
Не ириску, а искру,
Искру поиска, искру риска,
Искру дерзости олимпийской!
Можно сердце зажечь, можно — печь,
Можно
 землю
 к чертям
 поджечь!
В папироске сгорает искорка.
И девчонка смеется искося.

Из окна самолета

В мире друзей, в мире транспорта долгого,
Что ты там делаешь в мире, где дождь?
Делишься с кем мандаринными дольками?
Что за экзамены снова сдаешь?

Или запальчивая, запальчивая,
Снова блистательно заваясь,
Ты пробегаешь цимбальной палочкой
Мимо перил, мимо пилястр!

Ой, вокалисточка, снова за шалости?
Или озябшая, бросив постель,
Бродишь босая и взять не решаешься
Трубку тяжелую, точно гантель...

Замужем ты. Все забылось и зажило.
Что же ты стынешь, свежо и светло,
Как над несущимися пейзажами
Стынет

пристальное
крыло?

Триптих

Я сослан в себя. Я — Михайловское.
Горят мои сосны, смыкаются.

В лице моем, мутном как зеркало,
Смеркаются лоси и пергалы,

Природа в реке и во мне
И где-то еще извне.

Три красные солнца горят.
Три роци как стекла дрожат.

Три женщины брежуют в одной,
Как матрешки — одна в другой.

Одна меня любит, смеется.
Другая в ней птицей бьется.

А третья — та в уголок
Забилась как уголек.

Она меня не простит.
Она еще отомстит.

Мне светит ее лицо
Как со дня колодца — кольцо.

Полянам и планетам
От ложных позолот.

Леса роняют кроны.
Но мощно под землей
Ворочаются корни
Корявой пятерней.

Елка

За окном кариатиды,
А в квартирах — каблуки...

Елок

крылья

реактивные

Прошибают потолки!

Что за чуда нам пророчатся?

Какая из шарад

В этой хвойной непорочности,

В этих огненных шарах?!

О, девчонка с мандолиной!

Одуряя и журя,

Польхает мандарином

Рыжей челки кожура!

Расшалилась, точно школьница.

Иголочки грызет...

Что хочется,

чем колется

Ее следующий год?

Дурачится, робеет...

В окошках тает снег,

И дворничиха в белом,

Как лунный человек.

Века, бокалы, луны...

« Туши! Туши! »

Любовь всегда —

кануны.

В ней —
 Новый год
 души.

О, елочное буйство,
Как женщина впотьмах —
Вся в будущем,
 как в бусах,
И иглы на губах!

Пожар в архитектурном институте

Пожар в Архитектурном!
По залам, чертежам,
амнистией по тюрьмам,
Пожар! пожар!

По сонному фасаду
Бесстыже, озорно,
Горилой краснозадою
Взвывается окно!

А мы уже дипломники.
Нам защищать пора.
Трещат в шкафу под пломбами
Мои выговора.

Бутылью керосиновой
Взвилось пять лет и зим.
Кариночка Красильникова
Ой, горим!

Прощай архитектура!
Пылайте широко
Коровники в амурах
Сберкассы в рококо!

О, юность, феникс, дурочка,
Весь в пламени диплом,
Ты машешь красной юбочкой
И дразнишь язычком.

Published by
FLEGON PRESS
24, Chancery Lane, London W.C.2

Е. Ефтушенко Яблоко
А. Солженицын Один день
Ивана Денисовича
А. Солженицын Два рассказа

